

УДК 316.75(091)(44)«1944/1968»

ББК 63.3(4Фра)63-72

Д70

Редакторы серии «Интеллектуальная история»

Т. Атнашев и М. Велижев

Досс, Ф.

Д70 Сага о французских интеллектуалах: Том 1. Испытание историей (1944–1968) / Франсуа Досс; пер. с франц. Я. Янпольской под ред. А. Ильина и Д. Петушковой. — М.: Новое литературное обозрение, 2026. — 704 с. (Серия «Интеллектуальная история»)

ISBN 978-5-4448-3088-8 т. 1

ISBN 978-5-4448-3105-2

Кто такой интеллектуал? Философ, ангажированный мыслитель, совесть нации или уже просто пережиток ушедшей эпохи? В мону-ментальной «Саге об интеллектуалах» французский историк Франсуа Досс прослеживает историю этого феномена во Франции: опираясь на многочисленные интервью, личную переписку и архивные до-кументы, автор создает захватывающую хронику идейных баталий между ведущими публичными интеллектуалами XX века. Первый том, охватывающий период с 1944 по 1968 год, посвящен «золотому веку» социально активных мыслителей. На страницах книги разво-рачивается панорама идейных споров, в центре которых — Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Морис Мерло-Понти, Реймон Арон и множество других блестящих авторов. Читатель станет свидетелем их мучитель-ного диалога с генеральной линией КПСС, а также политических метаний между экзистенциализмом, либерализмом и марксизмом на фоне алжирской войны и других колониальных кампаний, увидит, как на смену гуманизму приходят структурализм Клода Леви-Стросса и генеалогия Мишеля Фуко, предвосхищая события мая 1968 года.

УДК 316.75(091)(44)«1944/1968»

ББК 63.3(4Фра)63-72

© Editions Gallimard, Paris, 2018

© Я. Янпольская, перевод с французского, 2026

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2026

© ООО «Новое литературное обозрение», 2026

Содержание

Введение. Жизнь и смерть интеллектуала-пророка	9
--	---

Часть I. Дыхание истории

1. Экзистенциальные пророки Освобождения	24
Время Сартра	25
Революция без революции	41
Слева от Христа	56
Притягательность голлизма	66
2. Чистки, или Справедливость невозможна	77
Дриё, Селин, Бразийяк	78
В издательских домах уборка и перестановка	81
Сила непреклонности	92
Снисходительность на марше	102
3. Сартризм как искусство разрыва	116
Разрыв Сартра с Ароном	116
Разрыв Сартра с Камю	125
Разрыв Сартра с Лефором	147
Разрыв Сартра с Мерло-Понти	154
4. Эпоха де Бовуар	166
«Второй пол»: книга-событие	167
Положение женщин: перемены идут полным ходом	177
5. Идеологические битвы коммунистов	185
На службе партии	185
Соцреализм в литературе	202
Дело №: Тито, Лысенко, Кравченко, Райк	208
Стройными рядами	226
Война в Корее	237
6. Сдерживание	245
Герой 18 июня призывается вновь	245
«Гусары» против	262

7. В поисках третьего пути	274
Появление газеты, стоящей над схваткой	274
Персоналистский путь	282
Новые левые — антисталинисты	290
8. Будапешт, 1956	309
Утраченные иллюзии	309
«Аргументы»	318
Ударная волна	323
9. Час де Голля	343
13 мая 1958 года: что это было?	344
Плюс Франсуа Мориак	352
Достижение согласия	358

Часть II. Время критики, золотой век гуманитарных наук

10. Интеллектуалы на обломках колониальных империй	372
Провозвестники	372
Дело Анри Мартена	380
Крестовый поход Франсуа Мориака	386
11. Неназванная война	392
Дрейфусары морали	392
Война в печати	403
Битва манифестов	415
Интеллектуалы-коммунисты, экс-коммунисты и беспартийные социалисты	423
Носильщики чемоданов	427
Сторонники французского Алжира	432
Преграды третьего пути	437
Вскрыть нарыв	440
12. Эпоха этнологии	446
Реакция на «Печальные тропики»	452
Проводник	461
Культурный релятивизм	463
Клио в изгнании	467
Эсхатологии в кризисе	470
Открытие инварианта	471

13. Триумф философии подозрения	475
За речь — язык	480
Из-под пера писателя	492
За сознанием — бессознательное	495
За субъектом — процесс	505
За историей — эпистема	512
За доксой — деконструкция	526
14. Второй Ватиканский собор: критический поворот	539
Конец ледникового периода	540
Мишель де Серто и кризис церкви	545
Третий человек	549
15. Авангард на марше	553
«Надо ли сжечь Барта?»	554
Жажда разрыва	561
Передний край авангарда	570
Новая волна	577
Новый реализм	585
Культура для всех, но музыка для избранных	591
16. Молодежь между бунтом и революцией	598
От «беби-бума» к «культурному буму»	599
Заботы «новых интеллектуалов»	610
Новый авангард в политике	614
Новый расклад	628
17. Революционное воображаемое смещается	636
Новый фронт	636
Против войны во Вьетнаме	656
Указатель имен	672

*Флоранс, моей супруге и мастеру слова,
которой эта книга столь многим обязана*

Введение. Жизнь и смерть интеллектуала-пророка

Данное исследование охватывает период с 1944 по 1989 год — две даты, между которыми пролегает глубокий исторический разрыв. Первая связана с всеобщим воодушевлением, вызванным освобождением Европы от нацистского варварства, победа над которым вновь открыла исторический горизонт и пробудила надежду на будущее. Вторая отмечена глубоким разочарованием в самом историческом процессе: его смысл оказался погребен под обломками другого тоталитарного проекта — на сей раз коммунистического. За эти сорок пять лет вера в исторический прогресс и светлое будущее, к которому человечество неуклонно движется под руководством просвещенных интеллектуалов, постепенно исчерпала себя. Ей на смену приходит голый презентизм, в котором прошлое больше не служит опорой, а будущее перестает быть горизонтом ожидания. Не случайно Хорхе Семпрун признавался Жаку Шанселю в передаче «Радиоскопии»: «Мое поколение так и не оправилось от краха СССР»¹. Особенно болезненно это крушение надежд переживали левые интеллектуалы — и далеко не только коммунисты, — оказавшиеся лишенными проекта общества, к которому так стремились.

Если XIX век с его освободительными движениями был назван «веком истории» и держал курс на построение общества всеобщего равенства и справедливости, то XX столетие с его трагедиями и катастрофами поставило крест на этих надеждах. Подобная потеря ориентиров затронула не только сторонников левых взглядов. Французским правым также

1. *Semprún J.* Radioscopie, France Inter, 16 ноября 1976. Цит. по: *Rosanvallon P., Viveret P.* Pour une nouvelle culture politique. Paris: Éditions du Seuil, 1977. P. 22.

пришлось расстаться с мечтой о возвращении в золотой век, воспетый Шарлем Моррассом и другими сторонниками авторитарного национализма, и принять республиканскую модель, которую те так упорно отвергали. Еще одна иллюзия, широко разделявшаяся во Франции как правыми, так и левыми, а именно вера в бесконечный прогресс производительных сил, в конце 1980-х годов рассеялась, столкнувшись с суровой реальностью: завершением эпохи «славного тридцатилетия» с ее стабильностью и экономическим процветанием, а также новой угрозой планетарной экологической катастрофы. Перед лицом глобальных вызовов современности старые представления о смысле истории оказались в кризисе, затронувшем в равной степени как страны глобального Севера, так и Юга. Однако во Франции он переживался с особенной остротой, благодаря тому огромному значению, которое здесь придавалось истории, начиная со времен Французской революции.

Хотя концепция истории как целенаправленного движения была сформулирована в XIX веке прежде всего немецкими философами — Кантом, Гегелем и Марксом, — попытки наделить ход истории сакральным смыслом восходят к Французской революции. В результате утвердившихся представлений о ее всемирном значении и универсальном характере провозглашенных ею ценностей народ Франции стал мыслиться как воплощение идеалов исторического прогресса. Подобные убеждения мы находим повсеместно, начиная с Мишле, представлявшего французскую нацию как носительницу исторического смысла прошлого и залог будущего человечества, до Эрнеста Лависса, говорившего о всемирном значении и особой миссии французской цивилизации. Это представление о французской исключительности, разделявшееся многими французскими историками XIX века, сохранилось и в XX веке, получив новое звучание благодаря знаменитой формуле генерала де Голля об «особой идее Франции».

Однако во второй половине столетия образ Франции как провозвестницы Истории стал стремительно тускнеть. В результате капитуляции 1940 года, четырехлетней

немецкой оккупации, утраты экономической независимости, а затем и колониальных владений она из могущественной империи вдруг превратилась в рядовое континентальное государство, сведенное к границам метрополии. В новом мировом порядке, где отныне доминировали две противоборствующие сверхдержавы, США и СССР, Франции суждено было играть роль второго плана. Неудивительно, что острее всего снижение мирового статуса «страны, которая так любит идеи», по выражению Судхира Хазарисинга, ощутили на себе именно интеллектуалы¹. Потеря Францией былого величия лишь усилила разочарование в провиденциальном характере исторического процесса, характерное для второй половины XX века, и стала причиной того чрезмерного значения, которое интеллектуалы придавали идее истории, зачастую ценой отрицания очевидных фактов.

* * *

Рассматриваемая в этой книге эпоха также характеризуется феноменом появления и исчезновения особой фигуры: интеллектуала-пророка. Возникнув в первые послевоенные годы, этот тип интеллектуала явился воплощением надежд и чаяний поколения, пережившего трагедию и стремившегося вновь придать истории утраченный смысл. Поэт Сопротивления Рене Шар точно выразил это настроение в ставшей знаменитой фразе: «Мы унаследовали мир, который вовсе не был нам завещан»², означавшей, что его поколению было бесполезно искать опору в прошлом, а требовалось с нуля строить новое будущее. Интеллектуалы той эпохи — будь то голлисты, коммунисты или христианские прогрессисты — все без исключения были убеждены, что служат воплощению в жизнь универсальных ценностей и идеалов, обладая экспертным мнением и истинным знанием по любому вопросу. Но эпоха этих

1. *Hazareesingh S.* Ce pays qui aime les idées. Histoire d'une passion française. Paris: Flammarion, 2015.
2. *Char R.* Feuilletés d'Hypnos. Paris: Gallimard, 2007. § 62.

пророков завершится в 1989 году, после чего разговоры о закате и даже «смерти интеллектуалов» станут общим местом.

В этой книге мы попытаемся проследить причины исчезновения интеллектуала — не как особой профессиональной категории, а как определенного типа интеллектуальности, претендующей на универсальное знание. Примечательно, что только в конце 1980-х годов, когда фигура тотального интеллектуала уходит в прошлое, он наконец становится объектом французской историографии благодаря новому исследовательскому направлению — истории интеллектуалов¹. Как метко заметил Мишель де Серто, лишь с исчезновением народной культуры ее впервые начали серьезно изучать и описывать, как если бы воздать должное можно было только той «красоте, что уже мертва»².

Вторым важным явлением, определившим эпоху 1944–1989 годов, стало крушение амбициозного проекта по созданию единой науки о человеке. Расцвет этой универсалистской программы пришелся на 1960–1970-е годы, именуемые «золотым веком гуманитарных наук», когда на французской интеллектуальной сцене безоговорочно господствовал структурализм. В то время термин «структура», понимаемый в широком смысле слова, вошел в понятийный лексикон практически всех гуманитарных дисциплин. Влияние структурализма было столь велико, что сам этот термин становится синонимом интеллектуальности как таковой, выйдя за рамки академического поля. К примеру, на вопрос, как улучшить результаты французской сборной по футболу, ее тренер в свое время ответил, что планирует выстраивать игру... «по-структуралистски».

Структурализм, с его рационализмом и упором на формальный метод, явился выражением стремления молодых социальных наук к институциональному и интеллектуальному признанию и был с энтузиазмом воспринят

1. *Ory P., Sirinelli J.-F.* Les intellectuels en France, de l'affaire Dreyfus à nos jours. Paris: Perrin, 2004.
2. *Certeau M. de, Julia D., Revel J.* La beauté du mort: le concept de «culture populaire» // *Politique aujourd'hui*. Décembre 1970. P. 3–23; *Certeau M. de.* La culture au pluriel. Paris: Éditions du Seuil, 1993. P. 45–72.

французской научной интеллигенцией. Однако, продержавшись на пике своего влияния более двух десятилетий, на заре 1980-х годов, когда один за другим ушли из жизни главные французские представители этого направления, он внезапно был сброшен с пьедестала. Едва наступив, новая эпоха поспешила похоронить структурализм вместе с его наследием, так и не воздав должного одному из самых ярких периодов в интеллектуальной истории Франции. Было ли это чудом — или же миражом?

Позволяя легко преодолевать границы между разными дисциплинами в рамках общей интеллектуальной программы, структурализм сумел привлечь под свои знамена широкий ряд мыслителей. Согласно Мишелю Фуко, структурализм являл собой «не столько новый метод, сколько пробудившееся и обеспокоенное сознание современной науки». Жак Деррида называл его «приключением взгляда». Ролан Барт в свою очередь говорил о структурализме как о переходе от символического сознания к парадигматическому, иначе говоря, сознанию, охваченному парадоксом. Структурализм представлял собой интеллектуальное течение и способ мышления о мире, далеко выходящие за рамки простой методологии, применяемой в конкретном исследовательском поле. Скорее, он выполнял функцию интерпретативной матрицы, в которой знак оказывается важнее означаемого, пространство важнее времени, объект — субъекта, отношение важнее содержания, а культура — природы.

В первую очередь структурализм выступает в качестве философии подозрения, призванной разоблачать общепризнанную *доксу*, вскрывая властный дискурс изнутри. Эта стратегия разоблачения была тесно связана с французской эпистемологической традицией, проводящей жесткое разделение между научным знанием и здравым смыслом. Так, за фасадом освободительного дискурса Просвещения Фуко обнаруживает чудовищную машину подчинения индивидуального и социального тела при помощи дисциплинарной власти-знания. Ролан Барт заявляет: «Мне глубоко, до тошноты, противна моя цивилизация». Четвертый том

«Мифологик» Клода Леви-Стросса под заглавием «Человек голый» заканчивается словом «НИЧТО», написанным прописными буквами, подобно реквиему.

* * *

В 1950–1960-х годах под влиянием исследований Клода Леви-Стросса французские интеллектуалы бросают вызов устоявшемуся представлению о превосходстве западных обществ, с воодушевлением открывая для себя мир американских индейцев. Вторжение «первобытной мысли» в сердце западной цивилизации привело к отказу от эволюционистской модели развития самого западного общества. В своей работе «Раса и история», вышедшей в 1952 году¹, Леви-Стросс окончательно порывает с этой моделью, представляя развитие человеческой истории как пространственный, а не временной процесс. Последовавшая глобализация со своими эффектами детерриторизации лишь усилит этот эпистемологический сдвиг в сторону пространственности и сосредоточенности на настоящем, что приведет к возникновению концепции мирового времени, «менее озабоченного поисками собственных истоков и более трансверсального, а потому ориентированного на недавнее прошлое»².

В то же время, в 1954–1963 годах, Франция ведет не названную своим именем колониальную войну в Алжире, ставшую предметом моральных столкновений и споров в самой метрополии. Антивоенные выступления интеллектуалов приобретают принципиальное значение после 1957 года на фоне скандала, вскрывшего факт применения пыток в отношении алжирцев со стороны французских военных. С этого момента конфликт разворачивается сразу на двух фронтах: военном — на территории Алжира, и интеллектуальном — в ожесточенных дебатах на страницах французской прессы.

1. *Lévi-Strauss C. Race et histoire. Paris: UNESCO, 1952.*
2. *Rouso H. La dernière catastrophe. L'histoire, le présent, le contemporain. Paris: Gallimard, 2012. P. 198.*

Вторая особенность структуралистской парадигмы заключалась в решающем влиянии философии на три основные гуманитарные дисциплины, обращенные к исследованию бессознательного: общую лингвистику, благодаря Ролану Барту, антропологию — с подачи Клода Леви-Стросса, и психоанализ, в интерпретации Жака Лакана. Занимая промежуточное положение между наукой и литературой, структурализм стремился закрепиться в статусе легитимного исследовательского поля, находя сторонников в обход традиционной академии, сосредоточенной в коридорах старой Сорбонны, — опираясь на периферийные университеты, издательства и журналы и даже такую влиятельную институцию, как Коллеж де Франс, к тому времени ставшую центром передовой научной мысли.

Эти годы стали свидетелями ожесточенной борьбы между представителями «старой» и «новой» академии, разворачивавшейся на нескольких уровнях. Социальные науки, стремясь перерезать пуповину, связывавшую их с философией, отстаивали эффективность научного метода. В ответ на это многие философы, признавая ценность социальных наук, использовали их аргументацию с целью утверждения философии в качестве метадисциплины, задающей концептуальный язык всему полю гуманитарного знания. Одной из особенностей этого периода стал процесс интенсивной циркуляции идей, методов и исследователей между разными научными областями, запустивший целую экономику интеллектуальных обменов, заимствований, переводов и трансформаций научных концептов. Стремление к созданию универсального знания о человеке порождает многочисленные открытия, которые в свою очередь усиливают веру интеллектуалов в свою способность найти объяснение любым социальным явлениям в любой точке земного шара. Однако вскоре на смену энтузиазму пришло разочарование, а затем и вовсе развернулась деконструкция этого сциентистского проекта, чей научный метод почти полностью игнорировал субъективное измерение и человеческую личность.

* * *

Третьим важнейшим фактором, повлиявшим на положение интеллектуалов во французском обществе между 1945 и 1989 годами, стало радикальное расширение их аудитории и присутствия в публичной сфере. Конкуренция за влияние на этом быстрорастущем рынке усиливалась пропорционально увеличению числа студентов и параллельно с ростом числа читателей, жаждущих литературных и политических новинок. Число студентов возрастало в геометрической прогрессии: от 123 тысяч в 1945 году до 245 тысяч в 1961 году, 510 тысяч в 1967 году и 811 тысяч в 1975 году. Вместе с тем между 1960 и 1973 годами в четыре раза возросло и количество университетских преподавателей. Как напишет по этому поводу Реми Риффель два десятилетия спустя, «увеличение спроса естественным образом побудило издателей предложить публике, жаждущей новых знаний, легкодоступные издания по низкой цене»¹. Появление такого формата, как карманная книга, стало прямым отражением этой революции французского издательского рынка, а также его вклада в расцвет гуманитарных наук.

В это же время золотой век переживает и пресса: газета «Монд» становится голосом Франции в дипломатических кругах, а общественное мнение начинает формироваться такими еженедельниками, как «Нувель обсерватёр» Жана Даниэля или «Экспресс» под руководством Жан-Жака Серван-Шрейбера и Франсуазы Жиру. Расширение читающей аудитории, взаимопроникновение публичной и интеллектуальной сфер, а также рост влияния средств массовой информации радикально меняют модус публичного высказывания интеллектуалов. Задачи объяснения социальных феноменов становятся уделом представителей научного сообщества, место которых в массмедиа занимают политические комментаторы, с присущим им популизмом и тягой к упрощениям. Развитие массовой культуры и коммуникаций кардинально меняет восприятие времени, делая акцент на сиюминутном и актуальном в ущерб реальной

1. *Rieffel R. L'édition en sciences humaines et sociales // L'édition française depuis 1945 / Dir. par P. Fouché. Paris: Cercle de la librairie, 1998. P. 95.*

значимости и глубине. Многие интеллектуалы без сожалений расстаются с тишиной университетского кабинета, кафедры или библиотеки, чтобы выйти под свет софитов. В итоге появляется новый тип «медийного интеллектуала», наиболее яркими представителями которого становятся в конце 1970-х годов так называемые «новые философы».

Многие интеллектуалы, впрочем, принимают разоблачать это царство эфемерного и преходящего, стремясь сохранить критическую функцию, которую считают основой своих профессиональных занятий. К примеру, Корнелиус Касториадис едко высмеивал тех, кого называл «развлекальщиками», активно реагирующими на модные поветрия, чередование которых отныне задает тон интеллектуальной жизни: «Смена мод — это не сама мода, но *модус*, в котором эпоха, особенно во Франции, проживает свое отношение к идеям»¹.

* * *

Кризис исторического времени, случившийся во второй половине XX века, привел к отторжению будущего, исчезновению глобальных коллективных проектов и зависанию в неподвижном настоящем, отмеченном тиранией памяти и бесконечным перемалыванием прошлого. На смену целенаправленному времени пришло время дезориентированное.

Как уже отмечалось выше, временные рамки нашего исследования совпадают с крахом двух крупнейших тоталитарных режимов XX века — нацистского в 1944–1945 годах и коммунистического в 1989-м. Но если победа над национал-социализмом пробудила политическую активность интеллектуалов, придав им веру в свою историческую миссию и обостренное чувство ответственности за свою эпоху, то закат коммунистической идеи погрузил их в глубокое разочарование и даже апатию. Если события

1. *Castoriadis P. Les divertisseurs // Le Nouvel Observateur. 20 juin 1977; воспроизводится в: Castoriadis P. Quelle démocratie? T. I. Paris: Éd. du Sander, 2013. P. 617.*

1956 года в Восточной Европе многим из них открыли глаза, то 1989 год стал последним ударом, для одних оказавшись синонимом долгожданной оттепели, а для других — прощанием с иллюзиями. Между 1945 и 1989 годами пролегает череда событий-разрывов, которые, следуя одно за другим, затемняют «горизонт ожидания», подпитывая в интеллектуалах ощущение провисания истории, приводя к социальной аномии и даже интеллектуальной афазии. В зависимости от принадлежности к определенному поколению, а также личному опыту и особенностям индивидуальной биографии, для каждого из них такой точкой невозврата станет свое событие: 1956, 1968, 1974 годы — узловые вехи, размечающие постепенный процесс утраты больших иллюзий.

Чтобы понять эту интеллектуальную эволюцию, необходимо воздержаться от попыток переписать историю в свете более поздних событий, игнорируя при этом фактор неопределенности, в условиях которой действовали сами акторы, а также отказаться от использования современных категорий как универсальных ключей для интерпретации прошлого. Британский исследователь Тони Джадт пренебрегает этими правилами, когда клеймит идеологические заблуждения французских левых интеллектуалов, анализируя их политическую деятельность в период между 1945 и 1956 годами с телеологических позиций¹. Слишком уж просто интерпретировать XX век задним числом, используя в качестве основного критерия противостояние между сторонниками демократии и защитниками коммунистического режима, который лишь впоследствии был разоблачен как тоталитарный. никоим образом не пытаюсь оправдать ошибки и заблуждения интеллектуалов того времени, мы тем не менее не собираемся отказываться от попытки понять их причины. В этом отношении наша позиция отличается от позиции Джадта, который отвергает любые попытки объяснить послевоенное увлечение французов коммунизмом специфическим контекстом эпохи.

1. *Judt T. Un passé imparfait. Les intellectuels en France, 1944–1956. Paris: Fayard, 1992.*

Заведомо отвергая как несостоятельную и историцистскую любую попытку объяснить их позиции особенностью политической ситуации, возникшей во Франции на волне Освобождения, главную роль в котором сыграли коммунисты, Джадт полагает, что «истоки нынешнего положения» следует искать в изначальном грехопадении французской интеллигенции¹. Рассуждая в подобном ключе, он низводит исторический контекст до малозначительного и второстепенного фона, тем самым разделяя позицию Зеева Стернелла, приравнивающего к фашизму любые попытки найти «третий путь» между капитализмом и большевизмом в предвоенный период².

Некоторые исследователи склонны объяснять заблуждения левой интеллигенции особенностями французской интеллектуальной жизни — прежде всего склонностью к агрессивной полемике и радикализму. Однако подобная интерпретация упускает из вида более существенное обстоятельство, а именно то, что многие интеллектуалы той эпохи упорно отказывались признавать объективную реальность, если та противоречила их убеждениям. Нам представляется, что источник этого — порой сознательного — ослепления следует искать прежде всего в переносе эсхатологических ожиданий из религиозной сферы в историческую в условиях современного, постсекулярного мира. История при этом наделяется сакральным смыслом и становится источником надежды на коллективное спасение. Чтобы понять причины этого отрицания реальности, необходимо всерьез отнестись к мотивам участников, рассматривая их действия и высказывания с учетом конкретного исторического контекста.

В этом отношении ключевым представляется понятие «интеллектуального момента». В нашу эпоху, отмеченную размыванием истории и релятивизацией исторического опыта, когда прошлое представляется трагичным, а будущее туманным, кажется, что утопия прозрачной

1. Ibid. P. 16.

2. *Sternhell* Z. Ni droite, ni gauche. L'idéologie fasciste en France. Paris: Éd. du Seuil, 1983.

коммуникации превращает настоящее в единственную возможную точку входа в историю. Начиная с 1980-х годов кризис исторического времени обнаруживает себя в самых разных областях знания и творчества. Согласно Оливье Монжену, главному редактору журнала «Эспри», он проявляется в упадке политической сферы, заикливости на вопросах идентичности, потере творческого воображения современной литературой, подмене образа визуальностью и вытеснении информации коммуникацией.

Постепенно интеллектуалы начинают пересматривать свое отношение к западным демократическим ценностям, которые еще недавно воспринимались как ложные буржуазные предрассудки. Однако скепсис деконструкции уступает место конструктивным попыткам переосмыслить институт демократии в свете позитивного потенциала лежащих в его основании ценностей и идеалов. Выделение различных этапов в интеллектуальной истории предполагает обращение к конкретным условиям, в которых складывались противоположные идеологические позиции и разворачивались полемики. В этом отношении хронологический подход оказывается особенно продуктивным, так как позволяет отразить специфику ключевых понятий, своего рода «слов-моментов», в которых сконцентрирован дух конкретной эпохи. Таким образом, в первом томе данного исследования мы последовательно рассмотрим переход от экзистенциалистского мышления к сменившей его триаде «Маркс — Ницше — Фрейд», открывающей эпоху подозрения. Во втором томе мы обратимся к триаде «Монтескьё — Токвиль — Арон», задававшей тон либеральной эпохе, и, наконец, к триаде «Беньямин — Левинас — Рикёр», с которой связано осмысление проблемы Зла.